

Ю. ЮРЬЕВ

Современный Крез

Ю. ЮРЬЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ КРЕЗ

(Дом Ротшильдов и его обитатели)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1965

М И Р А
К А П И Т А Л И С Т И Ч Е С К О Г О
В Л А Д Ы К И

Нажив состояние на военных поставках еще во времена наполеоновских войн, Ротшильды превратились в одно из богатейших семей мира. Во всех европейских капиталистических странах существуют ротшильдовские банки. Их щупальца протянулись ко многим отраслям экономики Франции и Англии, в их бывшие заморские колонии, проникли на территории других стран. Нынешний премьер-министр Франции Жорж Помпиду — в прошлом генеральный директор банка Ротшильдов.

Брошюра входит в серию «Владыки капиталистического мира», рассчитанную на массового читателя. Автор брошюры — журналист-международник. В ней дается яркая картина развития одной из могущественных международных монополий, приведено много интересных фактов и событий из жизни и деятельности финансовой семьи Ротшильдов.

Когда речь заходит об очень богатом человеке, о нем обычно говорят: «Богат, как Крез», «Богат, как Ротшильд». Более 2 тысяч лет прошло с тех пор, как умер Крез — царь небольшого государства Лидия в Малой Азии, который прославился в древности несметными сокровищами, награбленными его войсками в греческих торговых городах. Но от богатств Креза осталось ныне одно лишь воспоминание: в 546 году до нашей эры на страну обрушились полчища персидского царя Кира, захватившие столицу Лидии Сарды. Ее былой повелитель печально окончил свои дни в плену.

По-иному сложилась судьба другого богача, чье имя также вошло в поговорки всех стран и народов,— Ротшильда. Вот уже около 200 лет семейство Ротшильдов является одним из самых могущественных оплотов западноевропейского и мирового капитализма. За это время по европейскому континенту не раз прокатывался огненный шквал войн, под сокрушительными ударами революций падали троны королей, рассыпались империи, заново кроились и перекраивались границы государств, а дом Ротшильдов по-прежнему стоял, меняя лишь вывески да

перекрашивая потрескавшийся фасад. Более того, он постепенно разрастался, его обитатели становились все более многочисленными, пристройки и флигеля появлялись во все новых и новых странах.

Разумеется, в Западной Европе и, особенно, в Соединенных Штатах есть ныне семьи, значительно более состоятельные, чем Ротшильды. Однако само имя последних успело стать своеобразным символом буржуазного мира, постоянно приспособляющегося к новой обстановке, но сохраняющего неизменным свою эксплуататорскую сущность. Именно поэтому история дома Ротшильдов и его обитателей представляет особый интерес. «История одной семьи — это, в сущности, история целого общества в миниатюре», — писал автор одной из многочисленных книг о Ротшильдах Жан Бувье.

Под сенью красного щита

...Середина XVIII столетия. Узкие, кривые улочки Франкфурта-на-Майне, одного из крупнейших по тому времени торговых центров на перекрестке дорог Германии и всей Европы. Дома, стиснутые высокими крепостными стенами — укрытием от вражеских набегов, — жмутся один к другому, тянутся ввысь, верхние этажи нависают над нижними, почти соприкасаясь и превращая улицы в темные ущелья.

Прохожие, которые с опаской пробираются по ним, рискуя получить из окна ведро отбросов на голову, пристально вглядываются в деревянные доски,

висящие поперек улиц на палках над дверями. В средневековых городах не знали нумерации домов: каждый хозяин вывешивал доску, на которой живописец малевал какую-нибудь символическую фигуру, раскрашенную в яркие цвета,— черного медведя, желтую белку, золотую корону, фиолетового льва, зеленое дерево и т. д. Иной раз в доме побогаче такая эмблема приобретала вид каменной статуэтки, красовавшейся в небольшой нише. Почтовый адрес звучал просто: такому-то, в дом со львом. Нередко случалось, что эти символические изображения становились кличками, прочно прилипавшими к их владельцам и постепенно заменявшими фамилии.

Так произошло и с неким Эльхананом — мелким франкфуртским торговцем, жившим вначале в родительском доме под красной розой, а после женитьбы построившим в 1567 году собственный дом под красным щитом (по-немецки ротес шильд). Хотя потомки Эльханана успели впоследствии перебраться в третий дом — на сей раз под зеленым щитом, прозвище Ротшильд осталось за ними навсегда. В 1744 году в семье Ротшильдов родился основатель ротшильдовской династии Мейер-Амшель. Отец его умер рано. Мать, оставшаяся с тремя детьми, решила отправить старшего, которому едва минуло 12 лет, на выучку к богатым родственникам — крупным ганноверским купцам Оппенгеймам.

Германия тех времен была одной из самых отсталых стран Европы. Разорванная на десятки самостоятельных королевств, сотни княжеств, графств и рыцарских владений, она была скорее бессильным объектом, чем могущественным действующим лицом в европейской и мировой политике. Цепи феодальных пережитков, сословных ограничений, религиоз-

ных пут, таможенных перегородок сковывали, стесняли развитие возникающей капиталистической экономики — промышленности, сельского хозяйства, торговли.

Немецкая буржуазия, политически бесправная и хозяйственно слабая по сравнению с английской или французской, даже не мечтала о революционном ниспровержении феодальных монархий. Большинство ее представителей старались просочиться во все поры и трещины прогнившего здания феодализма, найти себе там теплые местечки и мирно делить с властью имущими плоды грабежа народных масс. В Германии XVIII века процветал не предприниматель-промышленник, а банкир, ссужавший деньги под ростовщические проценты расточительным князьям, обеспечивавший размен чеканенных ими сомнительных монет и получавший за это на откуп налоги, да купец-спекулянт, который умел ловко обходить множество барьеров и рогаток, ввозя в страну чужеземные товары и не брезгуя зачастую при этом услугами контрабандистов. Нередко случалось, что купец оказывался одновременно ростовщиком и менялой, а банкир — торговцем.

Именно такими людьми были ганноверские Оппенгеймы, к которым отправился на выучку молодой Мейер-Амшель Ротшильд. Свою деловую активность он начал в качестве торговца всякого рода антикварными предметами: старинной мебелью, ювелирными изделиями, драгоценностями, монетами и медалями. В почтовом дилижансе, в коляске, в наемной карете странствующий антиквар объезжает мелких, но спесивых государей, которые мечтают во что бы то ни стало затмить пышностью своего двора соседа-соперника. В ожесточенных торгах завязываются прочные

связи с аристократической клиентурой и многочисленной армией паразитов, живущих при ней, — управляющих, секретарей, интендантов, поставщиков, чье выгодное положение внушает почтение и зависть скромному приказчику фирмы «Оппенгейм». Он не прочь пойти по такому же пути. И вот в конце 60-х годов XVIII века Ротшильд через посредство страстного коллекционера старинных монет генерала фон Эсторфа впервые сводит знакомство с человеком, которому он будет обязан вскоре своим возвышением, — с наследником престола ландграфа Гессена-Кассельского Вильгельмом.

В 1769 году на длинном подобострастном прошении 26-летнего Ротшильда появляется долгожданное письменное одобрение наследного принца: бывший антиквар превратился отныне в официального торгового агента двора ландграфа, о чем немедленно возвестила горделивая надпись на вывеске его франкфуртской лавки-конторы. Не последнюю роль в этом сыграл доверенный казначей и личный секретарь принца Карл-Фридрих Бударус, который отнюдь не отличался чрезмерной щепетильностью и охотно принимал тайные подношения от благодарных торговцев или банкиров. Теперь можно покинуть Ганновер, предоставить младшим братьям антикварное дело, чтобы целиком отдаться смелым спекулятивным операциям под покровительством благосклонного монарха.

Сиятельный ландграф Гессен-Касселя Вильгельм IX, которым не замедлил стать наследный принц после кончины своего родителя Фридриха II, вошел в историю Германии как одна из самых отталкивающих фигур. Средства, выжатые из задавленных налогами подданных, никак не могли удовле-

творить болезненную страсть к золоту, обуревавшую душу этого мелкого властителя, который считался тем не менее одним из богатейших сюзеренов «Священной Римской империи германской нации». Испробовав множество способов легкого обогащения, Вильгельм IX прибег к самому гнусному — торговле людьми, которой давно уже занимались отдельные немецкие князьки. Речь шла о продаже оптом на службу иностранных государств солдат-рекрутов, обязанных проливать свою кровь за интересы новых господ, авансом оплативших сполна их головы.

Главной покупательницей в этой подлой торговле выступала Англия, чьи правители нуждались в наемниках для завоевания новых заморских владений и удержания старых, нередко поднимавшихся с оружием в руках против грабительского господства британской короны. Особенно острой эта потребность стала с 1775 года, когда началась война за независимость североамериканских колоний Англии, ставших впоследствии Соединенными Штатами Америки. Купленные в Германии солдаты плыли через Атлантику, чтобы найти могилу в далекой, чужой стране, а в обмен английское золото потоком лилось в дырявые карманы немецких князьков.

Лондон старался расплачиваться с поставщиками пушечного мяса не наличными деньгами, а векселями и облигациями британского казначейства, которые рано или поздно возвращались к нему от покупателей английских товаров: тем самым казна получала известную отсрочку платежа, кредит, а британская торговля расширяла свои рынки на континенте. Но ценные бумаги при переходе из рук в руки требовали «учета», то есть подписи подтверждавшего их банкира, который взимал каждый раз

за это определенное вознаграждение («учетную ставку»). Сосредоточив в своих руках значительную массу британских обязательств, уплаченных Вильгельму IX, и получив возможность обойтись без посредничества других банков, Мейер-Амшель Ротшильд приобрел верный источник прибыли. Он не только прикарманивал отныне солидный банковский процент, но и приумножал его путем торговых операций — скупки на вырученные в Англии деньги британских тканей, колониальных товаров (кофе, табака, чая, вин) и сбыта их в Германии. Так были заложены первые камни в фундамент дома Ротшильдов.

В бурях наполеоновских войн

Торговля наемниками явилась всего лишь скромным, но многообещающим дебютом фирмы, чья эмблема — красный щит — с самого начала оказалась запятнанной кровью. В конце XVIII столетия Европа вплотную подошла к эпохе величайших потрясений и бурь, открытой Великой французской буржуазной революцией 1789 года. Ротшильды никак не могли остаться при этом в стороне. «Прибыли от войны, полученные в те времена, представляют собой подлинную исходную точку огромного состояния, нажитого впоследствии домом Ротшильдов», — писал биограф семьи граф Цезарь Корти.

Самое парадоксальное в истории дома в этот период и вплоть до середины XIX века заключается в том, что Ротшильды, по праву считавшиеся оплотом

европейского капитализма, очутились по одну сторону баррикады со злейшими врагами буржуазной революции, ее титулованными душителями — реакционнейшими феодальными монархиями Европы, чьи венценосные самодержцы откровенно презирали и третировали выходцев из франкфуртских меняльных контор, несмотря на все их богатство.

Но так ли это удивительно, как кажется с первого взгляда? Ведь в те годы Ротшильды были неразрывно спаяны деловыми интересами, традициями и методами обогащения с разлагавшейся феодально-абсолютистской системой Германии, далеко не вышедшей еще из мрака средневековья. Более того, крупная европейская буржуазия уже тогда начала опасаться, как бы победный клич «Марсельезы» и «Карманьолы» в устах парижских санкюлотов не стал началом новой, гораздо более грозной революционной волны, которая сокрушит привилегии не только рождения, но и богатства. Страх перед восставшей «чернью» толкал буржуа в объятия их вчерашних врагов из числа земельной аристократии и духовенства. Недаром главным вдохновителем всех коалиций и мятежей, грозивших революционной Франции, стала архибуржуазная Англия, предпочитавшая, правда, воевать с французами до последнего немецкого солдата и ограничивавшаяся финансово-политической поддержкой Австрии, Пруссии, царской России.

Армии, которые двигались из одного конца Европы в другой, должны были быть одеты, обуты, вооружены. Те, кому доставались заказы на военные поставки, приобретали неслыханный дотоле источник легкой наживы. И Ротшильды, которые уже имели в этой области солидный опыт, не заставили себя ждать, тем более что через их руки по-преж-

нему проходили операции по торговле наемниками. В 1793 году Вильгельм IX продал Англии 9 тысяч человек, разумеется, при деятельном посредничестве Ротшильда.

Рост цен на опустошенном войной европейском континенте, нехватка товаров, военные поставки играли на руку и торговой деятельности дома Ротшильдов. Роль Франкфурта-на-Майне как одного из главных перевалочных пунктов между Англией и Германией — тылом всех антифранцузских коалиций — резко возросла в результате разгрома старинных прибрежных портов (Амстердама, Роттердама, Антверпена).

Капитал 55-летнего Мейера-Амшеля оценивался в 1800 году в миллион флоринов. Его обладатель успел добиться к этому времени звания торгового агента не только ландграфа Гессен-Касселя, но и императорского двора в Вене благодаря удачному посредничеству между Вильгельмом IX и императором Францем.

Тем не менее вплоть до начала XIX века Ротшильды оставались всего лишь рядовыми представителями бесчисленной своры спекулянтов — французов, немцев, итальянцев, англичан, обиравших по мере возможности все воюющие стороны. Все эти удачи выглядят жалкими крохами по сравнению с золотым дождем, хлынувшим на дом Ротшильдов в эпоху наполеоновских войн, которые явились поворотным пунктом в истории превращения семьи сомнительных банкиров — коммерсантов средней руки из Франкфурта-на-Майне в заправил крупнейшего международного центра финансового могущества.

Новая эпоха в истории Европы, открытая переворотом 18 брюмера (9 ноября) 1799 года, затем превра-

щением Франции в 1804 году в империю Наполеона I, началась для Ротшильдов крайне неблагоприятно. Французские войска оккупировали Рейнскую область, создав там сначала марионеточную конфедерацию, а впоследствии Вестфальское королевство, во главе которого Наполеон поставил своего брата — Жерома Бонапарта. Преследуемый французами, ландграф Вильгельм IX тайно бежал в Прагу; его доверенный наперсник, давний покровитель Мейера-Амшеля Ротшильда, Будерус вынужден был скрываться от глаз бдительных агентов французской полиции, не забывших связей гессен-кассельского двора со смертельным врагом наполеоновской Франции — Великобританией.

Слежка была установлена и за представителями фирмы Ротшильдов: ведь один из пятерых сыновей Мейера-Амшеля, Натан, давно уже был отправлен отцом в Англию для наблюдения за операциями с ценными бумагами британского казначейства. Над Мейером-Амшелем начали сгущаться тучи. Его обвиняли в финансировании антифранцузских заговоров, в сокрытии сокровищ бежавшего ландграфа, в подозрительных связях с англичанами...

Однако тучи не замедлили рассеяться, хотя действительные провинности Ротшильдов перед императором французов были еще серьезнее, чем предъявленные им обвинения. Надежным громоотводом послужил презренный металл: за солидные взятки епископ Майнца и принц-прелат Франкфурта Дальберг, являвшийся наместником Наполеона в Рейнской области, благосклонно взирал сквозь пальцы на подозрительную деятельность семейства Ротшильдов. А между тем деятельность эта начинала приобретать невиданные прежде масштабы.

27 октября 1806 года Наполеон издает в оккупированном Берлине свой знаменитый декрет о введении континентальной блокады. Отныне под страхом сурового наказания строжайше воспрещалось ввозить на европейский континент какие-либо товары британского производства. Эта драконовская мера призвана была задушить опасных конкурентов французских промышленников за Ла-Маншем, поставить на колени коварный Альбион, недостижимый для французов после победы британского флота при Трафальгаре, превратить всю Европу в торговую вотчину Франции.

Однако Бонапарт, великий полководец и государственный деятель, не смог предвидеть, что его армии, захватившие все европейское побережье — от Балтики до Испании, оказались не в силах держать под постоянным присмотром каждую мелкую бухту, залив, скалу, где под покровом глубокой ночи высаживались шайки контрабандистов. Тысячи тюков добротной английской мануфактуры, ящиков с кофе, чаем, пряностями, красителями тайными путями переправлялись в склады немецких или итальянских торговцев.

Французская полиция свирепствует. Во время повальных обысков во Франкфурте-на-Майне в октябре 1810 года арестованы 234 коммерсанта, на складах которых обнаружены контрабандные английские товары. Последние были публично сожжены на улицах города. Среди арестованных фигурировал и Мейер-Амшель Ротшильд. Но, как это уже не раз случалось в прошлом, ему удалось выйти сухим из воды и отделаться лишь штрафом благодаря высокому покровительству епископа Дальберга.

Между тем сын Мейера-Амшеля Натан, направ-

ленный отцом в Англию, не терял времени даром. У него на руках скопились значительные суммы в обязательствах британского казначейства, принадлежавшие ландграфу Гессену-Кассельскому Вильгельму IX. Задерживая под разными предлогами их перевод владельцу, молодой Ротшильд не без выгоды вкладывал чужие деньги в различные доходные предприятия (прежде всего в контрабандную торговлю с континентом, где его партнерами оказывались остальные члены семьи). Крупнейшей статьей дохода расторопного семейства явилась в этот период спекуляция золотом.

Континентальная блокада Наполеона, несмотря на успехи контрабанды, все же наносила английской торговле чувствительный ущерб. Вывоз товаров из Англии сократился, выручка от их сбыта перестала покрывать расходы по ввозу в страну сырья, продовольствия. Разницу приходилось оплачивать золотом. А это не только угрожало устойчивости кредитно-денежного механизма Великобритании, но и ставило под угрозу финансирование британским правительством армий, сражавшихся против империи Бонапарта. Особенно остро нуждался в звонкой монете английский генерал Веллингтон, посланный лондонским правительством в Испанию, которая пылала огнем партизанской войны против французских войск.

Учитывая сложившуюся ситуацию и будучи представленными в обоих враждующих лагерях, Ротшильды наживались как на Наполеоне, так и на Веллингтоне. Натан в Лондоне скупал крупные партии английских золотых монет (гиней) и тайно переправлял их во Францию. Французские власти считали это для себя выгодным, поскольку утечка золота из Ан-

глии как будто должна была усилить финансовые затруднения коварного Альбиона. Однако если бы они знали дальнейшую судьбу этого золота, то отнеслись бы к подобным операциям иначе.

Дело в том, что английские гинеи, проданные парижским банкам, превращались братьями Натана Карлом и Джеймсом в денежные обязательства (векселя), выданные на испанские банки. Эти векселя тайком провозились шайками контрабандистов через Пиренеи в Испанию, где они попадали в руки Веллингтона, получавшего тем самым возможность успешно продолжать военные действия против французов. В то же время выпущенные самим Веллингтоном в Испании бумажные деньги скупались за бесценок агентами Ротшильдов и переправлялись в Лондон Натану, который разменивал их на полновесные золотые гинеи и снова пускал в оборот. Разумеется, на каждом этапе этого оборота в руках у Ротшильдов оставался солидный куш.

Венцом спекулятивной эпопеи Ротшильдов в период наполеоновских войн явился пресловутый «биржевой удар» в связи с битвой при Ватерлоо. Наполеон, вернувшийся с острова Эльбы и вновь ставший во главе Франции, дал в июне 1815 года свое последнее великое сражение, которое закончилось полным разгромом французов. Вся Европа, затаив дыхание, ждала известия об исходе битвы, от которой зависела судьба целых государств и народов. Спекулянты-биржевики ожидали его не менее напряженно, чем государственные деятели, полководцы и дипломаты: в случае победы Бонапарта кредитные обязательства его противников, стран — участниц очередной антифранцузской коалиции, немедленно обесценивались. Напротив, в случае победы коалиционных войск курс

этих ценных бумаг на европейских биржах должен был резко взлететь вверх.

Новости в те годы ползли медленно. Но семья Ротшильдов давно успела оценить всю важность своевременной деловой и политической информации для торговца или банкира, а тем более для них, чьи интересы охватывали одновременно несколько стран. Поэтому в бурные, трудные и опасные времена, когда конъюнктура менялась с каждой минутой, дороги были беспокойны, а официальная почта ненадежна, Ротшильды создали собственную, частную почту. В каретах, с нарочными, с почтовыми голубями, на специальных судах отец и сыновья, разбросанные по столицам Европы, разделенные нередко линиями фронтов, могли посылать друг другу срочные шифрованные послания, помогавшие выработать наиболее выгодную общую линию поведения.

Именно эта сеть тайной связи помогла Натану Ротшильду заполучить первым в Англии бесценный номер голландской газеты, сообщавшей о поражении Наполеона при Ватерлоо. Газету провез через бушевавший Ла-Манш на рыбацьем суденышке некий Ротворт. Явившись немедленно на биржу, Натан успел скупить на огромную сумму облигации британского государства (ренту), которые несколькими часами спустя стоили вдвое дороже.

Банкиры «Священного союза»

В сентябре 1812 года Мейер-Амшель Ротшильд умер. Бывший приказчик фирмы «Оппенгейм» и мелкий маклер в торговле антикварными предметами

уходил из жизни как один из богатейших и влиятельнейших финансистов Европы, а в то время, следовательно, и мира. К этому моменту старая меняльная контора давно отошла на задний план. Пять сыновей Мейера-Амшеля прочно осели в разных европейских столицах: Натан — в Лондоне, Джеймс — в Париже, Соломон — в Вене, Карл — в Неаполе, Ансельм — во Франкфурте-на-Майне. Их совокупный капитал оценивался тогда в 150—200 миллионов золотых франков, что вдвое превышало активы Французского банка.

За два года до смерти их отец составил контракт банкирской фирмы «Мейер-Амшель Ротшильд и сыновья». Согласно этому уникальному документу право на участие в делах банка закреплялось только за прямыми мужскими отпрысками династии при полном исключении дочерей, их мужей, невесток и т. д. Особо предусматривалось, что представитель одной из ветвей дома Ротшильдов, который по каким-либо причинам захочет подать в суд на других, должен будет выплатить общей фирме огромный штраф. Хотя за полтора столетия, прошедшие с тех пор, фирма неоднократно меняла правовой статут, разделялась и вновь сливалась воедино, обязательство о негласной семейной солидарности Ротшильдов всегда оставалось в силе. Характерно, что из 59 браков, заключенных членами семьи Ротшильдов в XIX веке, около половины носит внутрисемейный характер: дяди женились на двоюродных племянницах, кузины выходили замуж за кузенов. Семья банкиров приобретала облик средневекового клана.

Дом Ротшильдов был тогда не просто крупнейшим частным банком Европы. По роду своей деятельности, способам обогащения, организационной

структуре, он являлся олицетворением одной определенной фракции крупной буржуазии, которая занимала в первой половине XIX века господствующее положение в континентальной Западной Европе, потрясенной бурями революционных и наполеоновских войн,— финансовой аристократии, или, как ее называли во Франции, «высоких банков» (банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, часть примыкавшего к ним крупного землевладения). Именно она, эта фракция, по словам К. Маркса, «сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными табачными лавками».

Конечно, финансовая аристократия отнюдь не безговала участием в кредитовании торговли, казенными поставками, откупам и т. п. Но главным источником доходов «высоких банкиров» была эксплуатация задолженности государства, чьей классовой опорой оставалось в значительной мере обуржуазившееся, но все еще полуфеодалное крупное землевладение. Чтобы укрепить положение и удовлетворить аппетиты обветшалых дворянских родов, смертельно напуганных Великой французской буржуазной революцией, короли или императоры щедро сыпали в карманы помещиков обильные субсидии, создавали для них высокооплачиваемые должности при дворе, в бюрократической администрации, множили ряды войска — единственной надежды их прогнивших тронов. На все это нужны были деньги, масса денег, которые беспощадно выколачивались из налогоплательщиков. Но любой неурожай или кризис резко сокращал налоговые поступления.

Здесь-то на сцену и появлялся представитель «высоких банков»: он открывал порастратившемуся монарху кредит, выпуская в продажу от своего имени облигации очередного государственного займа. За такую гарантию он получал прежде всего жирный процент с выручки от сбыта облигаций — они доставались ему со скидкой с номинальной цены. Сохраняя, далее, в своих руках значительную часть долговых обязательств государства, банкир имел возможность оказывать давление на соответствующее правительство, чтобы получить выгодные казенные заказы или концессии. Наконец, великолепная осведомленность обо всех политических делах открывала перед банкиром поистине безбрежные перспективы для спекуляции государственными ценными бумагами на бирже: если положение складывалось благоприятно и курс облигаций (ренты) должен был повыситься, «высокие банки» заблаговременно скупали их, играя «на повышение», в противном же случае тайком сбывали их с рук через подставных лиц (игра «на понижение»).

«Задолженность государства была... в прямых интересах той фракции буржуазии, которая господствовала и законодательствовала через палаты,— писал К. Маркс.— Государственный дефицит был как раз главным предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. После каждых четырех или пяти лет — новый заем. А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый удобный случай обирать государство, искусственно поддерживаемое на пороге банкротства,— оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях. Кроме того, каждый новый заем давал лишний слу-

чай грабить публику, помещавшую свои капиталы в государственные процентные бумаги, посредством биржевых операций, в тайну которых были посвящены правительство и парламентское большинство».

Ростовщические аферы «высоких банков» все чаще выходили за рамки отдельных государств и приобретали международные масштабы. Еще в начале XIX века Мейер-Амшель Ротшильд выступил посредником при предоставлении займов ландграфом Гессеном-Кассельским Вильгельмом IX королю Дании. Следующим этапом явилось посредничество Ротшильдов при финансировании британским казначейством государств — участников антинаполеоновских коалиций (только по этому каналу через руки братьев-банкиров прошло за 5 лет около 42 миллионов фунтов стерлингов). Наконец, после окончания наполеоновских войн Ротшильды непосредственно становятся во главе грандиозных банковских консорциумов, прочно прибравших к рукам размещение займов почти всем европейским правительствам: Пруссии и Австрии, Испании и Португалии, Неаполю и Пьемонту, Франции и царской России. Только последняя при участии банкирской фирмы «Братья Ротшильды» получила займов на круглую сумму порядка 7400 миллионов золотых франков. Нетрудно представить себе, какой куш остался при этом в карманах услужливых банкиров.

«Сила Ротшильдов состоит не столько в их личном состоянии, сколько в том положении, которое они заняли при правительствах», — писал один из французских авторов, Капефиг, еще в середине прошлого столетия. Как личное тщеславие выскочек, так и теснейшая связь операций «высоких банков» с государственными финансами полуфеодалных монар-

хий заставляют Ротшильдов упорно искать доступ в непосредственное окружение власть имущих, добиваться званий и почестей, способных хотя бы формально поставить их на равную ногу с наследственным родовым дворянством.

Основатель французской ветви Ротшильдов Джеймс, который занял бывший особняк Талейрана на улице Сен-Флорантэн в Париже, поддерживает теснейшие связи с чванным Виллелем — главой ультра-реакционного правительства христианнейшего короля Людовика XVIII, восстановленного на престоле Франции штыками иностранных оккупантов. За особые услуги в размещении займов династии Бурбонов на груди у банкира появляется в 1823 году сверкающий крест командора ордена Почетного легиона. Еще более интимная дружба завязывается между Джеймсом и французским королем Луи-Филиппом Орлеанским, который сменил старшую линию Бурбонов в результате июльской революции 1830 года. Июльская монархия недаром получила меткое прозвище «царство банкиров»: во главе ее кабинетов король-буржуа поспешил поставить «высоких банкиров» — Лаффита, затем Перье — ближайшего компаньона дома Ротшильдов. Нет такого государственного вопроса, который решался бы без активного участия главной финансовой опоры режима. «Я знаю всех министров, встречаю их ежедневно, а когда замечаю, что их действия противоречат интересам правительства, то я отправляюсь к королю, которого вижу, когда захочу... Он мне полностью доверяет, выслушивает меня и принимает во внимание все, что я говорю», — писал Джеймс Ротшильд в декабре 1840 года жене царского дипломата Нессельроде.

От Джеймса старался не отставать и его брат На-

тан, прочно осевший в Англии. В его салонах встречались самые блестящие представители британского титулованного дворянства — герцоги Сассекс и Соммерсет, принц Джордж Кембридж, дипломаты, чиновники, генералы. Сын Натана Антони получил в январе 1847 года дворянское звание баронета, другой его сын — Лайонел после нескольких неудачных попыток становится депутатом парламента — членом палаты общин от делового квартала Лондона — Сити, а его внук Натаниэл — лордом, пэром Англии.

В Вене Соломон Ротшильд приобрел огромное влияние на всеильного канцлера Меттерниха — человека, вершившего судьбами не только империи Габсбургов, но и всей Европы, которая стонала под пятой коронованных душителей освободительного движения народов. Личный секретарь князя-канцлера Генц, его доверенное лицо и правая рука, попросту состоял на содержании у банкира, получая 10 тысяч флоринов в год. Нужно ли удивляться, что уже весной 1817 года четыре брата Ротшильды — Соломон, Ансельм, Джеймс и Карл — получили от австрийского императора Франца в обмен на услуги по размещению займов дворянское достоинство и частицу «фон» (во Франции она превратилась в «де»), а 29 сентября 1822 года — наследственный титул барона. Новоиспеченные аристократы — рыцари денежного мешка поспешили выбрать себе соответствующий пышный герб и латинский девиз, гласивший: «Конкордиа, индустрия, интегритас» («Согласие, усердие, честность»). Остряки немедленно подметили, что познания банкиров в древних языках явно хромали: латинское слово «интегритас» означает не только честность, но и бескорыстие, а подобный эпитет звучал в приложении к имени Ротшильдов явной издевкой.

Деловые интересы, семейные связи, положение, с трудом завоеванное в «высшем обществе» аристократии тех времен, предопределили особую тактику представителей дома Ротшильдов на международной арене. Вложив огромные деньги в государственные обязательства европейских монархий, кое-как выдержавших шторм Великой французской буржуазной революции 1789 года и последовавших за ней войн, Ротшильды по мере сил пытались помешать венценосным должникам грызться между собой, чем последние способствовали приближению нового революционного землетрясения.

Но мнимое миролюбие баронов-финансистов, которым они не прочь козырнуть как «семейной традицией», немедленно испарялось, превращаясь в самую бурную воинственность, как только речь заходила о карательных экспедициях против народов, поднявших оружие на своих тиранов или чужеземных поработителей. Именно Ротшильды снабжали необходимыми средствами армии «Священного союза», которые топили в крови революции 1821 года в Неаполе и Пьемонте, а затем в Испании, получая в награду все новые и новые выгодные займы. Охотно они открывают кредит и на заморские авантюры колонизаторов. Например, во время захвата Алжира экспедиционным корпусом маршала Бюжо в 1830 году не кто иной, как Джеймс Ротшильд, в компании с фирмой «Андре и Котье», выступил в роли главного поставщика оружия и боеприпасов.

«Деньги — бог нашего времени, и Ротшильд — пророк его», — с горечью заметил как-то великий немецкий поэт Генрих Гейне. К середине XIX столетия бароны Ротшильды кажутся в зените своего могущества. Перед ними склоняются графы, заискивают

герцоги, их помощи добиваются короли, императоры и папы. «Благодаря своим колоссальным финансовым операциям, своим деловым и кредитным отношениям дом Ротшильдов стал силой, настолько прочно захватившей контроль над рынком капиталов, что в состоянии по собственному произволу помогать или препятствовать действиям целых государств, включая величайшие европейские державы», — писал бургомистр Франкфурта-на-Майне. Но именно в этот момент на дом Ротшильдов обрушились тяжелые удары.

Подземные толчки и их последствия

Первый серьезный удар многоликому семейству был нанесен на международной арене. «Священному союзу» коронованных жандармов не удалось задуть революционное движение народов: залитое кровью в Пьемонте, Неаполе и Испании, пламя освободительной борьбы вспыхивало в Латинской Америке, Бельгии, Греции, Франции. Перед лицом ненавистной гидры революции фасад «Священного союза» начал давать все более глубокие трещины. В то время как душа международной феодальной контрреволюции — австрийский канцлер Меттерних настаивал на немедленном вооруженном вмешательстве в пользу свергнутых народами монархов, британские торговцы и промышленники, видевшие в молодых буржуазных государствах (например, Латинской Америки) потенциальные богатые рынки, всячески саботировали подготовку интервенций.

Лагерь победителей Наполеона раздирали острейшие внутренние противоречия, которые не замедлили отразиться и на устойчивости дома Ротшильдов. Если австрийская ветвь в лице Соломона, тесно сросшаяся с интересами императорского двора Вены, активно поддерживала Меттерниха в вопросе о борьбе против латиноамериканских революций, то глава британской ветви Натан вместе с заправилami лондонского Сити относился к проектам интервенции в Латинской Америке более чем холодно, ибо рассчитывал (не без основания) снять густые сливки с займов молодых латиноамериканских государств. Аналогичная картина наблюдалась во время гражданской войны в Испании в 30-е годы XIX века: Соломон вместе с Меттернихом поддерживал феодального и ультраклерикального претендента на престол — дон Карлоса, тогда как Натан, склонивший на свою сторону представителя французской ветви Джеймса, оказывал недвусмысленную поддержку регентше Марии-Христине, окружение которой слыло несколько более либеральным и было связано не только с полуфеодальной знатью, но и с крупной буржуазией. Освященная прочной традицией солидарность Ротшильдов вне зависимости от государственных границ оказалась под угрозой.

Второй, еще более сильный удар по устоям дома Ротшильдов нанесла революционная волна 1848 года. В Париже и Риме, Неаполе и Вене, Будапеште и Берлине улицы покрылись баррикадами. Престарелый канцлер Меттерних, в течение трех десятков лет олицетворявший монархическую и клерикальную реакцию в Европе, вынужден был бежать из Вены. В Париже его примеру последовал король Луи-Филипп.

Крах реакционнейших режимов, с которыми прочно связали свои судьбы различные ветви дома Ротшильдов, не мог не отразиться на их устойчивости. Во время уличных боев в Вене в октябре 1848 года повстанцы захватили особняк барона Ротшильда, превратив его в опорный пункт для атаки на соседний арсенал. Хозяин особняка, едва успев спрятать в надежное место свои богатства, поспешил скрыться к брату Ансельму в знакомый Франкфурт-на-Майне. Барон Джеймс из Парижа отправил семью к племяннику Лайонелу в Лондон и остался во французской столице только из страха быть узнанным по дороге и очутиться за решеткой. По свидетельству французского писателя Проспера Мериме, богатейший человек Европы часами стоял на перроне Северного вокзала, напрасно ожидая отмененного поезда и с тревогой прислушиваясь к отдаленным выстрелам на улицах Парижа. В парижском предместье Сюрен один из многочисленных дворцов, принадлежащих Ротшильдам, пылал, подоженный толпой.

В первый момент братьям казалось, что все потеряно. Однако вскоре они воспрянули духом. Международные осложнения, временно затронувшие монолитность знаменитого дома, в конечном итоге обернулись к его выгоде: будучи представленными сразу во всех враждующих лагерях, коалициях и блоках европейских держав, братья быстро научились осторожному правилу «распределения риска», неизбежно оказываясь в итоге на стороне победителей и извлекая из этого максимальные выгоды.

«Осаждаемые со всех сторон просьбами о поддержке, Ротшильды держали в своих руках ключ к решению многих важнейших мировых проблем,— писал историк дома граф Корти.— Вопрос о том,

в чью пользу выскажется дом, был тем более деликатным, что сфера его деятельности распространялась как на восточные, так и на западные государства. Любое решение было трудно принять, ибо государства, на территории которых оперировали Ротшильды, находились с политической точки зрения в разных лагерях. С другой стороны, тот факт, что пять братьев обосновались одновременно в основных европейских столицах, представлял собой, ввиду их солидарности, одну из основных причин возвышения дома, ибо один постоянно держал другого в курсе всего происходившего в его области».

Например, в 1840 году, когда вспыхнул конфликт между Англией, Россией, Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Францией, с другой, по поводу так называемого восточного вопроса (коалиция поддерживала турецкого султана в его борьбе против мятежного египетского хедива Мехмета Али, опиравшегося на сочувствие французской дипломатии), глава французской ветви барон Джеймс де Ротшильд по просьбе своих лондонских родственников отговорил короля Луи-Филиппа от военной помощи хедиву.

Буржуазная революция 1848 года также не имела для Ротшильдов тех катастрофических последствий, которых они вначале всерьез опасались. В июне 1848 года на парижских баррикадах перед европейской буржуазией впервые во весь рост встал призрак ее грядущего могильщика — пролетариата. Это побудило все фракции собственников сомкнуть свои ряды и резко повернуть вправо. Префект парижской полиции Коссидьер заверил барона Джеймса в том, что его безопасность обеспечена, а министр финансов Второй республики Гудшо вновь обратился за услугами к банку Ротшильдов точно так, как это делали его пред-

шественники во времена царствования Бурбонов или Орлеанов. Революции в Италии, Австрии, Германии были подавлены реакцией, активно использовавшей трусость и колебания мелкобуржуазных демократов.

Из этих событий Ротшильды извлекли вполне определенный урок, которому старались неукоснительно следовать в будущем: не связывать более свою судьбу чересчур тесно с каким бы то ни было политическим режимом внутри страны, точно так же как с одной определенной державой или коалицией — в международных делах, а иметь прочные интересы и хорошо оплаченных «друзей» всюду, где только возможно.

От железнодорожных концессий к промышленной империи

Государственный переворот Луи-Наполеона Бонапарта во Франции 2 декабря 1851 года, превративший вскоре принца-президента в императора Наполеона III, а Вторую республику — во Вторую империю, был встречен французской ветвью Ротшильдов без особого энтузиазма. Они опасались, что Наполеон III может вспомнить о весьма сомнительных услугах, оказанных его дяде — Наполеону I основателем банкирской династии. Финансовым операциям Ротшильдов, устойчивости кредита угрожали внешнеполитические авантюры Наполеона III, который мечтал затмить славу своего воинственного предка.

Эпоха Второй империи совпала с периодом промышленной революции в континентальной Западной Европе, бурным ростом машинной индустрии, желез-

нодорожного строительства. Под сенью сначала республики, а затем империи к власти рвалась новая, ранее ущемленная фракция господствующего класса — промышленная буржуазия. Она все бесцеремоннее и успешнее теснила традиционную финансовую аристократию, устои господства которой были чувствительно поколеблены кризисом их прежних покровительниц — полуфеодальных монархий Европы. Глубокий сдвиг соотношения сил различных групп в правящей верхушке западноевропейских стран заставил представителей дома Ротшильдов срочно перестраивать свое старомодное жилище. Эта перестройка заняла около ста лет и заканчивается только на наших глазах, во второй половине XX века.

Уже в 30-х годах XIX столетия представитель австрийской ветви Ротшильдов Соломон обратил внимание на исключительную прибыльность новых способов обогащения, выходявших далеко за рамки обычной эмиссии государственных займов или кредитования торговых сделок: вложений капитала в горнодобывающие предприятия и обслуживающий их транспорт — не только морской, но и железнодорожный, представлявший собой в те времена еще малоизвестную новинку. По совету своего лондонского брата — Натана, имевшего возможность в индустриальной Англии своими глазами убедиться в доходности железных дорог, Соломон основал первое в Австрии акционерное общество железных дорог «имени императора Фердинанда». Оно должно было связать Вену с промышленным бассейном Моравы. Однако в отсталой Австрии дело подвигалось туго — соперничество других капиталистов, отсутствие опыта затянули строительство на 20 лет (до 1858 года) и сильно удорожили его.

По-иному сложились аналогичные опыты французского Ротшильда — Джеймса. Сначала недоверчивый старый барон лишь разнюхивал, насколько верным будет новое дело, поддерживая довольно ограниченными средствами строительство коротких железнодорожных веток Париж — Версаль, Авиньон — Марсель, предпринятое братьями Талабо. Наконец в 1845 году он решил, что время разведки прошло: Францию захлестнула железнодорожная лихорадка. Стремясь нажать на ней как можно более жирный куш, Джеймс Ротшильд воспользовался покровительством короля Луи-Филиппа, досиживавшего на троне последние годы, чтобы отхватить себе самую выгодную концессию — на строительство линии Париж — Лилль — бельгийская граница с ответвлением к крупному порту Дюнкерк. Эта линия должна была связать столицу Франции с крупнейшим быстро растущим промышленным районом.

10 сентября 1845 года королевский ордонанс утвердил создание «Компани дю шмен де фер дю Нор» («Общество северных железных дорог») с акционерным капиталом 200 миллионов золотых франков — одной из основных баз финансового могущества французских Ротшильдов. В административный совет компании вошли помимо председателя Джеймса Лайонел и Натаниэл — сын и внук главы лондонской ветви Натана, английские и французские банкиры, являвшиеся как союзниками, так и соперниками Ротшильдов (д'Эйшталь, Перейр, Лаффит, Оттенге, Малле, Миллз, Баринг и другие). Подобный хитроумный шахматный ход не раз применялся Ротшильдами, стремившимися заранее обезвредить опасного конкурента предложением известной доли в своих делах. За постройкой Северной железной дороги после-

довало приобретение Джеймсом Ротшильдом каменноугольных предприятий в Бельгии, снабжавших топливом паровозы, и участие его в создании механических мастерских в Батиньоле.

Следует отметить, что сам по себе факт участия австрийских или французских Ротшильдов в железнодорожном строительстве еще отнюдь не означал их разрыва с традициями и практикой «высоких банков» (типичными представителями которых являлись, кстати, компаньоны Джеймса — протестантские банкиры Оттенге и Малле). «Подобно тому как господствующий класс эксплуатировал государственные расходы вообще и государственные займы, он эксплуатировал и *постройку железных дорог*, — писал К. Маркс. — Палаты сваливали главное бремя издержек на государство, а спекулировавшей финансовой аристократии они обеспечивали золотые плоды. Всем памятны скандалы в палате депутатов, когда случайно обнаружилось, что все депутаты большинства, включая и часть министров, были заинтересованы в качестве акционеров в тех самых железнодорожных строительствах, которые они потом в качестве законодателей заставляли производить на государственный счет... Малейшая финансовая реформа разбивалась о противодействие банкиров... Разве смело государство сокращать те свои источники дохода, из которых должны были уплачиваться проценты по его все растущему долгу?»

Железнодорожное строительство производилось за государственный счет, но государству доставались при этом одни убытки, а частным компаниям — прибыли. Предприниматели производили земляные работы, казна поставляла им рельсы, шпалы, подвижной состав в кредит, после чего владельцы расплачи-

вались с государством из прибылей от эксплуатации соответствующей дороги в течение определенного срока. При этом работы, произведенные компаниями, оценивались ими втридорога, долг их казне — наоборот, с явным занижением, кредит они получали, по сути дела, даровой, а погашение его оказывалось полуфиктивным, так как на первых порах введенные в эксплуатацию дороги приносили минимальную прибыль, а то и вообще функционировали в убыток.

Однако вступление на почву машинной индустрии рано или поздно не могло не повлиять и на чисто банковские операции дома Ротшильдов. Произошло это не сразу — понадобилось полтора десятилетия ожесточенной борьбы против сильных и опасных соперников, из которой Ротшильды в конце концов вышли победителями.

Вызов самым могущественным торговцам капиталами Европы бросили их прежние младшие компаньоны по железнодорожному строительству — братья Перейр. В 1852 году они создали в Париже банк «Креди мобилье», призванный осуществлять операции с государственными ценными бумагами и финансировать промышленные предприятия (железные дороги, металлургию и т. д.) как во Франции, так и в других европейских странах.

Деятельность братьев Перейр встретила благосклонную поддержку со стороны Наполеона III, яркими приверженцами которого они издавна являлись: тщеславный император любил показать себя покровителем промышленности, торговли, инициатором «социальных реформ». Организаторы «Креди мобилье» выступали на сцену под лозунгами решительного разрыва с традиционной политикой и методами Ротшильдов — высоким процентом при финанси-

вании промышленности, ориентацией в первую очередь на солидных вкладчиков — крупных землевладельцев, торговцев, предпринимателей, способных приобрести ограниченное число весьма дорогих акций, ревнивым сохранением в руках семейной династии банкиров полной собственности на львиную долю основного капитала. Братья Перейр сделали ставку, напротив, на низкий банковский процент для вложений в промышленность. Средства для этого они надеялись изыскать путем массового выпуска на денежный рынок сравнительно недорогих акций для представителей средней и даже мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства, а контроль над банком сохранить в своих руках с помощью довольно небольшого портфеля акций, рассчитывая на то, что масса остальных мелких акционеров останется бессильной и безгласной ввиду ее распыленности, неорганизованности. Впоследствии подобные методы приобрели чрезвычайно широкое распространение, ибо огромные масштабы капиталовложений, требуемые современной индустрией, делают необходимой мобилизацию средств не только узкого круга финансовой аристократии, но и самых широких слоев населения (будь то через бюджет посредством государственной налоговой системы или через денежный рынок путем выпуска различных видов ценных бумаг, доступных мелким вкладчикам). Однако в середине прошлого столетия затея братьев Перейр еще казалась опасной авантюрой.

Семья Ротшильдов серьезно встревожилась. Джеймс Ротшильд направил императору Наполеону III длинный меморандум, предостерегая от опасностей, которыми, по его мнению, было чревато создание «Креди мобилъе». Но отношения между импе-

раторским двором и домом № 21 по улице Лаффита, где обосновался банк «Ротшильд фрер» («Братья Ротшильды»), были гораздо прохладнее, нежели во времена короля Луи-Филиппа. В борьбе против соперников Ротшильдам приходилось рассчитывать прежде всего на собственные силы. Им удалось привлечь на свою сторону большинство заправил «высоких банков», встревоженных появлением неожиданных и непривычных конкурентов, против которых были пущены в ход все хитроумные средства биржевой тайной войны. В конце концов братья Перейр, запутавшиеся в собственных спекуляциях на земельных участках, прогорели и обанкротились. Такая же судьба постигла другой банк, бросивший несколькими десятилетиями спустя вызов наследникам Мейера-Амшеля Ротшильда, — «Юнион женераль»: оперируя деньгами от сотен и тысяч вкладчиков, эти банки чересчур зависели от колебаний конъюнктуры, тогда как «высокие банкиры» опирались в первую очередь на гигантские собственные капиталы.

Тем не менее борьба с соперниками не прошла для Ротшильдов даром. Прежде всего, они волей-неволей должны были потесниться и сдать определенные позиции своим союзникам — другим «высоким банкирам», без помощи которых им вряд ли удалось бы устоять. В конце XIX и начале XX века партнеры Ротшильдов не раз сколачивали против них мощные блоки (консорциумы), заставляя их идти на уступки и делить барыши от наиболее прибыльных операций с государственными займами и железными дорогами, в которых раньше Ротшильды чувствовали себя полными хозяевами. Так было, в частности, с займами, выпущенными французским казначейством для погашения контрибуции размером в 5 миллиардов золо-

тых франков, которую Франция, потерпевшая поражение во франко-прусской войне 1870—1871 годов, должна была выплатить Германии. Там, где Ротшильды пытались обойти всех остальных «высоких банкиров» и действовать в одиночку, их ждали отныне крупные неприятности.

Так постепенно старинная фамильная фирма, долгое время тщательно оберегавшая свои дела от вторжения посторонних, оказалась перед необходимостью сращивания с другими, образования современной банковской группы, участники которой были тесно связаны не только личными, семейными, родственными узами, но и чисто деловыми отношениями. При этом нередко случалось, что те или иные компании, сотрудничавшие с Ротшильдами в одних операциях, соперничали с ними в других.

Другим, еще более важным следствием жестоких боев с «Креди мобилъе», «Юнион женераль» и другими банками новой формации явилось существенное изменение самого характера деятельности Ротшильдов. Продолжая оставаться типичными «высокими банкирами» старого пошиба, полностью сохраняя традиции дома, выросшего из средневековой меняльной конторы благодаря ростовщическим операциям с государственными ценными бумагами, они все чаще принимали на вооружение новые, не испытанные прежде способы выколачивания прибыли, которые применялись их предприимчивыми конкурентами. Без активного применения этих новых способов победа в беспощадной борьбе с соперниками была немислима даже с грандиозным личным состоянием Ротшильдов, их вековым опытом, изворотливостью и политическими связями.

Наиболее заметным новшеством в развитии бан-

ковского дела в Западной Европе на пороге XX столетия было появление так называемых «деловых банков», которые, в отличие от старых, депозитных, занимались не столько денежными делами богатых людей и целых государств, сколько кредитованием промышленности. Начав с железных дорог, Ротшильды рано или поздно должны были пойти по этому пути и заняться непосредственно различными отраслями индустрии. Выше уже упоминалось об угольных шахтах в Бельгии, снабжавших топливом ротшильдовскую компанию Северных железных дорог. Однако продолжать проникновение в угледобычу, черную металлургию, машиностроение оказалось делом трудным и хлопотным: там уже давно и прочно окопались могущественные угольно-стальные магнаты. По-иному обстояло дело в области добычи цветных металлов, производство которых в прошлом столетии было довольно ограничено и раздробленно. Чувствуя, что этой отрасли принадлежит блестящее будущее, Ротшильды решили обратить на нее самое пристальное внимание.

Как и в железнодорожных делах, зачинателем здесь оказался представитель австрийской ветви — Соломон, который скупил ртутные рудники на Балканах. Его примеру последовала французская ветвь в лице сына Джеймса — Альфонса, который приобрел в 1870 году у задолжавшего ему испанского правительства исключительное право на скупку ртути из рудников в Альмадене сроком на 30 лет. В 1896 году контракт был продлен. Между тем добыча только на этих рудниках составляла в момент заключения контракта 41 % мирового производства жидкого металла. Вместе с добычей на балканских рудниках Ротшильды установили фактическую абсолютную моно-

полию на рынке ртути. Проникновение Ротшильдов в испанскую экономику значительно облегчалось тем, что они осуществляли, по сути дела, безраздельный контроль над железнодорожной линией Мадрид — Сарагосса — Аликанте.

Аппетит, как известно, приходит во время еды. Поскольку в одних и тех же рудах, как правило, содержатся различные цветные металлы, Ротшильды решили не ограничиваться только ртутью. В 1881 году было объявлено о создании акционерного общества «Пеньяройя» со скромным основным капиталом в 5 миллионов франков (в 1917 году он увеличился до 73 миллионов, в 1935 году — до 309 миллионов). Начав с добычи свинца и серебра в Испании, трест «Пеньяройя», контролируемый семейством Ротшильдов в союзе с представителями «высоких банков» Мирабо, металлургических концернов Эмбером де Ванделем и другими, раскинул свои щупальца по всей Европе: во Франции, Италии, Греции, Австро-Венгрии, забрался в Северную Африку (Тунис) и даже в далекую Латинскую Америку (Аргентина). В сфере его деятельности — цинк, сера, серная кислота, суперфосфаты, уголь, электроэнергия.

Третья промышленная опора Ротшильдов в горнодобывающей индустрии, созданная в 1873 году, также на испанской земле, называлась «Рио Тинто». Это были шахты пиритов — богатейшего сырья для выплавки меди, скупленные за бесценок у испанской короны лондонской ветвью дома Ротшильдов (на паях с другой британской компанией, «Мэтисон»).

Наконец, четвертым главным оплотом могущества дома в области добычи и выплавки цветных металлов явилось акционерное общество «Ле Никель», об интересах которого достаточно красноречиво гово-

рило само его название. Компания «Ле Никель», созданная в Париже в мае 1880 года, увеличивала свой основной капитал не менее стремительно, чем «Пеньяройя»: с 6,25 миллиона франков до 15 миллионов в 1908 году и до 224,4 миллиона в 1939 году. Наиболее крупные ее рудники были расположены на другом конце света — на острове Новая Каледония, являвшемся колониальным владением Франции. Хотя в числе основателей «Ле Никель» ни один из членов семьи Ротшильдов формально не значился, фактически она полностью контролировала никелевый трест через подставных людей, служивших в компании «Пеньяройя» или на других ротшильдовских предприятиях.

Поскольку значительная часть рудных богатств, эксплуатировавшихся Ротшильдами, находилась в далеких тропических странах, «высокие банкиры» не могли не обратить пристального внимания на проблему доступа к ним — как физического, так и политического. Этим объясняется вторжение Ротшильдов в область речного и морского судоходства. Так родились судоходные ротшильдовские компании (обслуживавшие океанские порты Дюнкерк, Кале, Касабланка, судоходство по Рейну), а впоследствии также судостроительные верфи (Касабланка), крупнейшая компания по производству оборудования для судостроительной промышленности и т. д.

С другой стороны, дом Ротшильдов живо заинтересовался проблемами колониальной политики. Выше уже упоминалось о роли, которую сыграл Джеймс в захвате Алжира войсками французского короля Карла X. Впоследствии один из близких к Джеймсу промышленников давал своему агенту, отправлявшемуся в завоеванный Алжир, следующую красно-

речивую инструкцию: «Ваша задача — указать, каковы наиболее выгодные дела, точно определить место, размеры, транспортные возможности и общие шансы эксплуатации, характер и качество полезных ископаемых, их прошлое, но главным образом их будущее». Центральным пунктом соприкосновения сухоходно-транспортных и колониальных интересов Ротшильдов явилась пресловутая Всеобщая компания Суэцкого канала. После окончания строительства канала акции компании находились в основном в руках французских капиталистов и египетского хедива. Когда хедив в 1875 году попал в затруднительное финансовое положение и решил продать свою долю, лондонский Ротшильд — Лайонел ссудил огромную по тем временам сумму британскому правительству во главе с Дизраэли (лордом Биконсфильдом), что позволило англичанам захватить контроль над каналом и использовать его в 1882 году для оккупации всего Египта. В обмен на свои услуги Ротшильды получили не только часть акций, но и, что еще важнее, ряд ключевых постов в административном совете компании, а сын Лайонела Натаниэл — давно вождельный титул лорда. Некоторое время спустя английские Ротшильды финансировали зловещую деятельность известного авантюриста Сесилия Родса, силой и обманом распространившего британское колониальное владычество на Южную и Восточную Африку с ее богатейшими залежами меди, кобальта, золота, алмазов.

Немалые интересы обитатели дома Ротшильдов приобрели также в акционерных обществах по добыче южноафриканских алмазов, бакинской нефти (в содружестве с небезызвестным шведским промышленником — изобретателем динамита Нобелем),

в угольных шахтах и цементной промышленности юга царской России и т. д.

Так постепенно вырисовывались контуры грандиозной финансово-промышленной империи Ротшильдов. На первый взгляд кажется, что ее причудливые очертания, подобно империям древних завоевателей, определялись не какими-либо объективными факторами, а попросту случайными превратностями битв с соперниками. Спекуляция государственными ценными бумагами, размещение международных займов, поставившие казначейства ряда европейских государств в зависимость от Ротшильдов, открыли перед ними возможность наживы на финансируемом из казны железнодорожном строительстве. Это, в свою очередь, толкнуло к прибыльным промышленным капиталовложениям в новые отрасли, где еще не успели закрепиться старые предпринимательские династии,— в добычу руд и производство цветных металлов, в морской транспорт. Все более широкое применение железными дорогами и судами жидкого топлива заставило Ротшильдов заняться нефтью (тем более, что их позиции в экономике богатых нефтью колоний и стран, зависевших от французского империализма, были весьма прочны).

И все же в эволюции дома Ротшильдов на протяжении полутора столетий есть вполне определенная внутренняя логика. Силой вещей чудовищно разбухший банковский капитал сливался и срачивался с промышленным, перерастал национальные границы, устремлялся в другие страны, прежде всего слаборазвитые. Промышленный капитал проделывал тот же путь. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникно-

вения финансового капитала и содержание этого понятия», — писал В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». История дома Ротшильдов явилась одним из ярких подтверждений этих слов.

Вступление капитализма в период империализма означало резкое усиление милитаризма, военной опасности, развязывание империалистических войн: закончив территориальный раздел мира, монополии готовились к вооруженным схваткам за его передел. В этих условиях характер как банковских, так и промышленных интересов Ротшильдов приобретал особый смысл. Постепенное ослабление австро-германской ветви дома выдвинуло на первый план его парижский и лондонский филиалы, чье родство послужило одной из финансовых основ англо-французского «Сердечного согласия» (Антанта). Задолженность царской России французским банкирам-ростовщикам облегчила военное соглашение Парижа с Петербургом. А цветные металлы, нефть оказались в числе важнейших видов военно-стратегического сырья, цены на которые становились тем выше, чем больше обострялась международная обстановка, чем сильнее пахло военной грозой в воздухе Европы. Недаром в компании «Ле Никель» вместе с Ротшильдами принимала участие известная английская фирма по производству вооружений «Виккерс санз энд Максим К⁰ лимитед», а в других предприятиях ротшильдовской группы — французский торговец пушками Шнейдер!

Миф о Ротшильдах-«миротворцах» разлетелся вдребезги на залитых кровью, изрытых осколками, опутанных колючей проволокой полях сражений двух мировых войн. Не лишне отметить, что во

время мировой войны 1914—1918 годов французские Ротшильды (демонстративно отказавшиеся от титула австрийских баронов, чтобы подчеркнуть свой «патриотизм») продолжали активно торговать свинцом через компанию «Пеньяройя». Этот свинец доставлялся из Испании в Швейцарию, где его скупал немецкий партнер «Пеньяройя» — компания «Металгезелльшафт». Аналогичные операции проводила ротшильдовская компания «Ле Никель», снабжавшая «Металгезелльшафт» стратегически ценным металлом через посредничество американских компаний «Интернейшнл никел К⁰» и «Америкэн метал лимитед». Ротшильды — придворные банкиры XVIII века, биржевые спекулянты и международные ростовщики начала XIX века бесповоротно отошли в прошлое. Их старомодный семейный дом окончательно превратился в ультрасовременную цитадель военно-колониального империализма XX века.

Дом Ротшильдов сегодня

Лет двадцать — тридцать назад в финансовых кругах Западной Европы заговорили об упадке дома Ротшильдов. В самом деле, франкфуртская, венская и неапольская ветви их давно увяли. С воссоединением Германии вокруг Пруссии Франкфурт-на-Майне потерял прежнее значение крупнейшего торгово-банковского центра, дела семейства в Берлине перешли к дальним родственникам Ротшильдов — банкирам Гольдшмитам и их компаньонам Блейхредерам, а последние вынуждены были вообще эмигрировать в начале 30-х годов XX века. Национально-

освободительная борьба за объединение Италии напугала Ротшильдов, которые в панике бежали из Неаполя перед победоносными армиями краснорубашечников Гарибальди. Шквал инфляции, пронесшийся по капиталистическому миру в начале 20-х годов и обесценивший десятки валют, крах царских долгов, революционная ликвидация таких вечных должников европейских банкиров, как Оттоманская или Китайская империи, глубоко потрясли могущество старого банковского капитала, покоившееся на незыблемости кредита. Венская ветвь наследников Ротшильда не пережила крушения Австро-Венгерской империи Габсбургов, мирового кризиса 1929—1933 годов и захвата Австрии гитлеровцами. В 1937 году правительство Народного фронта во Франции национализировало железные дороги, в том числе становой хребет французской ветви Ротшильдов — «Компани дю шмен де фер дю Нор», а также центральный эмиссионный Французский банк, в числе потомственных регентов которого фигурировали Джеймс и его сыновья. Лондонский банк «Н. М. Ротшильд энд санз» формально прервал прямые связи с парижским «Ротшильд фрер». В 1940 году хозяева последнего — бароны Эдуард и Робер (дети Альфонса и внуки Джеймса) бежали через Испанию и Португалию в Нью-Йорк.

Но те, кто хоронил Ротшильдов, чересчур поторопились: вековой опыт приспособления к резко меняющейся обстановке, грандиозное состояние, исключительно разветвленные связи помогли семейству вновь встать на ноги. Ко второй половине XX века звезда группы Ротшильдов после короткого затмения опять взошла на небосклоне западноевропейского империализма.

Ядром французской группы Ротшильдов остается семейный банк «Ротшильд фрер», с 1817 года находящийся в Париже в старомодном особняке на улице Лаффит, 21.

Когда составлялся последний юридический статут банка (в 1905 году), его основной капитал не превышал 50 миллионов франков, делившихся между детьми барона Альфонса, внуками Джеймса — Эдуардом, Робером и Ги де Ротшильд (на долю Эдуарда — старшего — приходилась половина, Робера и Ги — по четверти). После их смерти наследниками стали сыновья Робера — Алэн и Ги, а также старший сын Эдуарда — Эли. Семейная традиция, завещанная Мейером-Амшелем, была строго соблюдена: дочери, зятья и тем более посторонние акционеры не допускались к святой святых на улице Лаффит. С 1945 года основной капитал ввиду обесценения французской валюты номинально повышался — сначала до 250, затем до 500 и, наконец, до 1250 миллионов старых франков (650 миллионов принадлежали барону Ги, по 312,5 миллиона — Алэну и Эли). После денежной реформы 1958 года эта сумма равнялась 12,5 миллиона новых франков, то есть всего-навсего 2,5 миллиона долларов. Как же могло случиться, что владельцы столь сравнительно скромных средств остаются хозяевами одной из международных финансово-промышленных империй?

Здесь-то и раскрывается сложная механика современного финансового капитала. По-прежнему основой финансовой мощи ротшильдовской группы является банк «Ротшильд фрер». Значительным источником прибылей было и акционерное общество северных железных дорог («Компани дю шмен де фер дю Нор»). Когда железные дороги во Франции были

национализированы, братья-банкиры сумели выговорить себе весьма солидное «возмещение убытков».

Полученные от казначейства средства позволили Ротшильдам скупить акции других компаний и захватить контроль над ними. Многие из таких компаний сами обладают крупным капиталом в других акционерных обществах. Таковы «Сосьетэ финансьер пур л'Эроп» («Европейская финансовая компания»), «Сосьетэ финансьер де жеранс э де партисипасьон» («Финансовое общество по управлению и участиям»), «Компани энтерконтиненталь коммерсиаль э финансьер» («Межконтинентальная торгово-финансовая компания») и т. п.

Так создается гигантская пирамида, вершина которой — семейный банк «Ротшильд фрер» контролирует средства, в сотни и тысячи раз превышающие его собственный капитал. Банкирский дом Ротшильдов участвует в бесчисленном количестве предприятий, французских и иностранных, причем степень этого участия «колеблется от простого помещения капитала, частью предназначенного для инкассирования дивидендов, до полного контроля, включая в качестве промежуточных стадий более или менее крупные капиталовложения. Многочисленность этих частей, ограниченных даже 5 или 10% капитала, дает возможность представителям Ротшильдов оказывать влияние на большое число крупных компаний. Весьма крупные ликвидные средства, значительные запасы иностранной валюты и привилегированное положение в области обмена валют благодаря международным связям Ротшильдов расширяют возможности деятельности этой группы», — писал французский экономист Андре Ваноли. Достаточно указать, что уже в 1952 году стоимость портфеля акций

«Компани дю шмен де фер дю Нор» превышала 22 миллиарда старых франков, а ныне общие активы группы достигают 30 миллиардов старых франков (300 миллионов новых франков).

Какова же внутренняя структура этой чудовищной пирамиды, перед которой бледнеют надгробия египетских фараонов? Ее прочным фундаментом являются по-прежнему цветные металлы. Ротшильдовский трест «Пеньяройя» наложил руку не только на испанские, но и на марокканские, мавританские, греческие, тунисские, итальянские, чилийские рудники, захватив контроль над 7% добычи свинца капиталистического мира. Трест «Ле Никель», чьи основные рудники находятся в Новой Каледонии, дает 10% производства никеля в странах капиталистического мира. Цинк, кобальт, серебро, золото, алмазы текут к Ротшильдам из Африки и Южной Америки под пестрыми марками компаний «Рио Тинто», «Контуар Лион Альман», «Минрэ э мето», «Мин де Зеллиджа», «Де Беерс консолидейтед лимитед», «Мин д'Аули», «Коммершл метал компани» и десятков других (кстати, от цветных металлов не так уж далеко и до черных — 166 миллионов долларов вложила недавно группа Ротшильдов в железорудные месторождения в Мавритании, расположенные поблизости от давно принадлежащих ей медных рудников).

Однако горнодобывающей промышленностью и цветной металлургией дело не ограничивается. Ротшильды всегда отличались умением чувствовать запах наживы в самых неожиданных новых предприятиях, сочетая предельную финансовую осторожность с дерзким хищническим авантюризмом. Благодаря этому редкому сочетанию в их пирамиде появились новые мощные колонны — нефть и уран.

Еще в начале 50-х годов XX столетия среди французских дельцов впервые распространились слухи о том, что под раскаленными песками Сахары скрывается океан «черного золота» — нефти. Долгое время этому отказывались верить. Сомнения вызывали и технические условия эксплуатации в тяжелых природных условиях пустыни, трудности транспортировки, обеспеченность рабочей силой и т. д. А Ротшильды тем временем втихомолку получали концессии. Когда в их руках сосредоточились достаточные нефтеносные площади, на публику обрушился настоящий ураган рекламы: тому, кто приобретет акции новых нефтяных компаний — «Франкареп», «Кюфиреп», «Эрафреп», «Сафреп», «Петрофранс», «Антар» и других, сулились золотые горы. Небывалый ажиотаж позволил в короткое время взвинтить курс нефтяных акций на парижской бирже.

В 1963 году добыча сахарской нефти превысила 23 миллиона тонн, прибыли нефтяных компаний составили 2 миллиарда новых франков. Однако ситуация в стране успела резко измениться: алжирский народ, завоевавший в семилетней кровопролитной войне политическую независимость, все решительнее добивался экономической самостоятельности. Курсы акций сахарских нефтяных компаний на парижской бирже неуклонно ползли вниз. Но Ротшильдов это не смущало: они успели вовремя выгодно сбыть значительную часть их с рук, приобретя солидное количество акций в старых международных нефтяных концернах на Ближнем Востоке (например, в англо-голландском «Ройял датч шелл» с помощью своих лондонских родственников) и начав строительство нефтепровода от Красного моря до Средиземного.

Гораздо менее шумная реклама окружает другой

важнейший вид нового бизнеса Ротшильдов — атомную индустрию. Дело началось с сырья, добыча которого была облегчена преобладающими позициями группы в добыче цветных металлов в бывших африканских колониях. Так родились «Сосьетэ франсэз де мин д'юраниум», «Мин д'юраниум де Франсевиль» и другие акционерные общества, разрабатывавшие залежи урана в Африке. Затем настала очередь обработки — компаний «Инд-атом», «Франс-атом». Что же касается применения, рынка сбыта, то достаточно ознакомиться со сметой проектов создания французской ядерной «ударной силы», составляющей ныне 38 % военного бюджета Франции.

Где нефть и атом, там химия. В сферу влияния Ротшильдов входят крупные фирмы по производству искусственных удобрений в Марокко и Перу, предприятия нефтехимии, заводы по производству красителей, взрывчатых веществ. Но никакое современное производство немислимо без электроники — и семейство Ротшильдов вторгается в изготовление электронно-счетных машин, электрооборудования, отчасти в машиностроение.

При всем том далеко не забыты такие традиционные для семейства отрасли, как морской транспорт, страховое дело, наконец, торговля и ее новейшее продолжение — туризм. Ротшильды создают в Западной Европе сеть крупных универмагов самообслуживания («Инновасьон»), финансируют строительство альпийских горных курортов, туристических центров на островах Средиземного моря, игорных домов, в том числе крупнейшего во Франции казино в Дивон-ле-Бэн, призванного затмить пресловутое Монте-Карло.

От французского «Ротшильд фрер» старается не отставать английский банк — «Н. М. Ротшильд энд

санз», руководимый Эдмундом, Леопольдом, Эвелином Ротшильдами и считающийся одним из самых скрытных финансовых учреждений лондонского Сити. Будучи по-прежнему важнейшим мировым центром обмена валют и торговли драгоценными металлами, он создал ряд крупных инвестиционных банков (под общей вывеской «Юросиндикат») для организации вывоза британских капиталов на «Общий рынок» и вложения их в наиболее перспективные отрасли западноевропейской промышленности.

В связи с этим решено было положить конец продолжавшемуся полвека разделению английской и французской ветвей старинного дома: банк «Ротшильд фрер» получил крупную долю в капитале «Н. М. Ротшильд энд санз».

Следует, однако, отметить, что процесс сближения лондонских и парижских Ротшильдов протекал далеко не безмятежно. На его сложных перипетиях чрезвычайно ярко сказалась глубокая внутренняя противоречивость современного капитализма, раздираемого диаметрально противоположными тенденциями.

Тенденция к все более тесному хозяйственному сближению отдельных государств, вызванная объективными потребностями научно-технического переворота второй половины XIX века, оказалась в неприимом противоречии с империалистическими формами этого процесса. Раздел прибылей «по силе, по капиталу» между партнерами постоянно ставился под вопрос неравномерностью темпов их экономического развития, порождая все новые столкновения.

Активное вмешательство буржуазного государства в экономику, перерастание финансового капитала в государственно-монополистический еще более

обострили эти конфликты: отныне каждая мелкая стычка монополий за рынки, источники сырья, сферы приложения капитала приобретала отчетливое политическое звучание, выливаясь в грызню финансовых групп за власть внутри отдельных стран, а правительств этих стран — за гегемонию на международной арене, что не могло не подтачивать единство и монолитность империализма в мировом масштабе. Поскольку группа Ротшильдов всегда отличалась международным характером своей деятельности и теснейшими связями с государственным аппаратом, правящей верхушкой целого ряда стран, во взаимоотношениях отдельных филиалов этой группы, как в капле воды, отразился весь запутанный клубок современных межимпериалистических противоречий.

Восстановление прямых финансовых связей между банками «Ротшильд фрер» и «Н. М. Ротшильд энд санз» произошло в конце 1962 года, когда длительные переговоры о вступлении Англии в «Общий рынок», казалось, успешно завершались. Разрыв непосредственного контакта между двумя основными филиалами дома относился к эпохе зари империализма, когда центр тяжести торгово-экономических интересов Великобритании еще лежал в ее заморских владениях, разбросанных по всему миру. Англо-французский военно-политический союз 1904 года — знаменитое «Сердечное согласие», нацеленное против Германии, — базировался тогда на строгом разграничении сфер влияния двух крупнейших колониальных держав Западной Европы: Франция получила свободу рук в Западной Африке (Марокко), Англия — в Восточной (Египет, Судан).

Полвека спустя положение коренным образом изменилось. Распад колониальной системы под могу-

чими ударами революций угнетенных народов стер с карты Африки прежние границы империалистических захватов. Устои господства западноевропейских монополий на Черном континенте оказались глубоко подорванными, территориальные сферы влияния отдельных империалистических держав потеряли былую четкость. Перед лицом мощного подъема национально-освободительного движения, с одной стороны, под напором американских и западногерманских конкурентов — с другой, «старые» колониальные монополии Англии, Франции, Бельгии и т. д. пытаются перегруппировать свои силы, сплотиться воедино, чтобы спасти источники колоссальных сверхприбылей.

В то же время внутренняя структура британской экономики и направление ее внешнеэкономических связей также претерпели существенные сдвиги. На смену традиционным отраслям: текстильной, угледобывающей, металлургической промышленности, ориентировавшимся на рынки колоний, — пришли новые быстро растущие отрасли: автомобилестроение, электротехника, электроника, химия. Их продукция могла сбываться лишь на рынках высокоразвитых в промышленном отношении, платежеспособных стран, которыми оказались в первую очередь страны континентальной Западной Европы, объединенные в Европейское экономическое сообщество («Общий рынок») и Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). Удельный вес Западной Европы в британской внешней торговле непрерывно повышался, туда устремился основной поток английских капиталов, владельцы которых опасались вкладывать их в «ненадежных» молодых государствах Африки или Азии.

Так постепенно возникали объективные факторы, толкавшие Англию к отказу от ее вековой обособленности и постепенному сближению с европейским континентом. Вряд ли следует удивляться, что группа Ротшильдов, представленная как в Париже, так и в Лондоне, стала активным проводником, пионером этого сближения, надеясь извлечь из него немалые выгоды.

Символом трогательного семейного примирения лондонских и парижских родичей явился прежде всего проект грандиозного тоннеля под Ла-Маншем, который должен связать Англию с континентальной Западной Европой прямой железнодорожной и шоссейной магистралью. По утверждению хорошо информированного американского журнала «Тайм», главными авторами этого проекта явились владельцы банка «Ротшильд фрер». 6 февраля 1964 года соглашение о строительстве тоннеля было подписано официальными представителями французского и британского правительств.

Второй важной вехой, отметившей восстановление финансового моста между парижским и лондонским филиалами дома Ротшильдов, стал проект сооружения в течение семи лет в бывшей британской колонии Ньюфаундленд (ныне провинция Канады) огромной плотины на водопадах Гамильтон фоллз. Гидроэлектростанция мощностью в 6 миллионов киловатт должна послужить энергетической базой создания индустриального комплекса по освоению лесных и минеральных богатств этого сурового края — деревообрабатывающей, горнодобывающей промышленности на площади около 53 тысяч квадратных миль. Главенствующую роль в этом предприятии играет одна из основных компаний британских Ротшильдов—

«Бритиш Ньюфаундленд корпорейшн», где участвуют также их французские родственники. Консорциум, созданный для финансирования этого «великого имперского замысла» (как назвал его престарелый Уинстон Черчилль), уже располагает солидным капиталом порядка 1 миллиарда долларов.

Наконец, третий, важнейший проект, который должен был цементировать воссоединение ротшильдовского семейства по обе стороны Ла-Манша, предполагал прямое сращивание двух главных горнопромышленных компаний парижской и лондонской ветвей — «Пеньяройя» и «Рио Тинто». В конце 1964 года руководство «Сосьетэ миньер э металлуржик де Пеньяройя» («Горно-металлургическое акционерное общество Пеньяройя»), президентом и генеральным директором которого являлся барон Ги де Ротшильд, решило приступить к крупной внутренней реорганизации. Имелось в виду, в частности, значительно увеличить основной капитал компании — со 108 миллиардов до 160 миллиардов франков — за счет взносов других акционерных обществ, близких к ней по профилю и находившихся в сфере влияния ротшильдовской группы, — «Гамишон Каретт и К⁰», «Арто», «Ля сельв» (производство различных видов продукции из свинца и его окисей), атомного треста «Сосьетэ франсэз д'юраниум», а также «Компани дю шмен де фер дю Нор» и «Сосьетэ финансьер де жеранс э де партисипасьон».

Это, в свою очередь, должно было создать возможность для обмена пакетами акций между «Пеньяройя» и британской компанией «Рио Тинто цинк лимитед»: последняя предоставляла «Пеньяройя» 764 850 своих акций в обмен на некоторое число ее акций (из расчета 4 акции «Пеньяройя» за

15 акций «Рио Тинто»). Этот солидный пакет делал парижских Ротшильдов крупнейшими акционерами «Рио Тинто», чьи ценные бумаги составили бы в случае успеха операции 10% общего портфеля «Пеньяройя».

Операцию облегчал тот факт, что обе компании были связаны личной унией: президент и генеральный директор компании «Пеньяройя» Ги де Ротшильд являлся одновременно членом административного совета «Рио Тинто», где заседал также его давнишний ближайший сотрудник Рене Мейер. Кроме того, обе компании давно имели также картельные связи в форме обмена патентами на особый метод обработки руд цветных металлов, содержащих одновременно свинец и цинк. В случае успеха новых мероприятий по сращиванию «Пеньяройя» с «Рио Тинто» в мире появлялась новая крупнейшая монополия, объединявшая контроль над ресурсами этих металлов в странах Средиземноморского бассейна (Франция, Италия, Испания, Греция, Алжир, Марокко, Тунис) и в бывших британских владениях в Восточной и Юго-Восточной Африке.

Не исключено, что данный проект был в какой-то мере связан и с политическими акциями колонизаторов в Центральной Африке в 1960—1962 годах, когда англо-франко-бельгийские империалисты поддерживали сепаратистские поползновения Чомбе в Катанге: группа Ротшильдов через бельгийский банк «Ламбер» издавна участвовала в операциях бельгийского горнорудного треста «Юнион миньер», окопавшегося в Катанге.

Однако все эти широковещательные планы оказались под угрозой полного провала в результате

очередного взрыва империалистических противоречий.

Влиятельные круги британских монополий, кровно заинтересованные в продолжении активной эксплуатации богатств бывшей колониальной империи и тесно связанные с американским капиталом, стремились сохранить эти связи и источники дохода и после предполагавшегося вступления Англии в западноевропейский «Общий рынок». Под их нажимом Гарольд Макмиллан, являвшийся в конце 1962 года премьер-министром Англии, попытался выторговать у генерала де Голля ряд существенных уступок, которые дали бы возможность британскому монополистическому капиталу избежать слома предпочтительного режима торговли с бывшими колониями и доминионами. Макмиллан отказался от объединения английского и французского ядерных арсеналов в европейскую «ударную силу», согласившись в то же время на подчинение британского ядерного оружия контролю США под ширмой так называемых «многосторонних ядерных сил» НАТО.

В ответ французский президент, выступив на пресс-конференции 14 января 1963 года, заявил о категорическом отказе допустить Англию в «Общий рынок», где она играла бы роль троянского коня США. В основе этого маневра лежали определенные политико-стратегические амбиции французского империализма, стремившегося к господствующей роли в «Общем рынке» и повышению своего удельного веса в НАТО. Однако вместе с тем провал переговоров о вступлении Англии в Европейское экономическое сообщество отражал также столкновение интересов отдельных английских и французских монополий, сказавшееся и внутри группы Ротшильдов.

Не следует забывать, что парижские Ротшильды, бывший директор банка которых занял место премьер-министра Франции, сделали решающую ставку на французскую ядерную «ударную силу», которую американский план «многосторонних ядерных сил» ставил под угрозу. Не случайно в ходе последней реорганизации компании «Пеньяройя» центр тяжести ее явно переместился от свинца и цинка к урану: вследствие передачи компании 4460 акций общества «Компани франсэз де миньер д'юраниум» ее доля в акционерном капитале этого уранового треста повысилась до 29%. В таких условиях возможные выгоды от вступления Англии в «Общий рынок» со всеми их политическими последствиями перестали уравновешивать в глазах парижских Ротшильдов несомненные убытки.

Одним из косвенных последствий такого поворота событий оказался крах проекта сращивания «Пеньяройя» и «Рио Тинто». Ги де Ротшильд в своем выступлении на чрезвычайном заседании акционеров «Пеньяройя» 1 декабря 1964 года предложил отказаться от запланированной сделки, что и было решено. Реализация проектов тоннеля под Ла-Маншем и строительство электростанции в Ньюфаундленде также несколько застопорились.

Этот эпизод наглядно показывает, что группа Ротшильдов до сих пор представляет собой весьма крупную и влиятельную силу на международной арене, от позиции которой в известной мере (хотя, разумеется, далеко не так, как в середине прошлого столетия) зависит ход событий. Но международный характер группы, дающий ей крупные козыри, в свою очередь делает ее особо чувствительной к резким колебаниям политической обстановки в лагере

империализма на современном этапе, постоянно вынуждая Ротшильдов к сложным, запутанным и противоречивым маневрам.

В настоящее время, как и сто лет назад, одним из наиболее существенных козырей ротшильдовского семейства остаются необычайно широкие и разветвленные международные связи. В последние годы особенно усилились связи Ротшильдов с иностранным капиталом. Бастионом Ротшильдов по-прежнему служит, в частности, бельгийский банк «Ламбер э компани», один из владельцев которого в 1882 году породнился с французской ветвью, женившись на внучке ее основателя Джеймса. Группа Ламберов контролирует огромные колониальные интересы бельгийского и международного капитала в Конго, Восточной и Южной Африке, а также ряд чрезвычайно важных компаний, связанных с развитием «европейской интеграции» «Общего рынка». Другие старые партнеры Ротшильдов — могущественная международная банковская группа Лазар, имеющая филиалы во Франции («Лазар фрер»), в США («Лазар бразерс») и Англии (также «Лазар бразерс»).

Второй, не менее важный козырь — наличие многочисленной, квалифицированной и влиятельной когорты управляющих, менеджеров, нередко превращающихся в полноправных партнеров самих Ротшильдов. Даже при беглом ознакомлении с составом административных советов компаний, находящихся в сфере влияния Ротшильдов или хотя бы соприкасающихся с ней, бросается в глаза частое повторение одних и тех же имен: Пьер Жеттен, Пьер Дюпон-Ферье, Рене Фийон, Анри Пажези, Этьен де Кастель, Мишель Пасто, Робер Жаблон, Пьер Загманн и мно-

гих других. Каждый из этих людей верой и правдой служит семейству Ротшильдов, причем иногда на протяжении нескольких поколений, получая более чем щедрое вознаграждение. В 1954 году только общеизвестные представители дома Ротшильдов занимали в общей сложности 110 постов в правлениях различных компаний (только крупных), в том числе 11 постов председателей и 7 — вице-председателей. Присутствие этих людей у командных рычагов цементирует финансовую пирамиду дома Ротшильдов не менее надежно, чем система многоступенчатых частей в акционерном капитале, которая дает возможность владельцу нескольких процентов акций полностью контролировать чужие средства, в десятки раз превышающие его собственные. Недаром французская биржевая пословица гласит: «Дела — это чужие деньги»!

Наконец, третий, последний по счету, но не по важности традиционный козырь Ротшильдов состоит в их колоссальном влиянии на государственную политику ряда крупнейших капиталистических стран. Давно ушли в прошлое связи Ротшильдов с ландграфами, королями, императорами, закрепленные весьма круглыми суммами, которые получали в качестве тайной мзды ближайшие наперсники венценосцев или глав правительств — Бударус при ландграфе Гессене-Кассельском Вильгельме IX, Генц при Меттернихе и многие другие. Ныне времена изменились. Речь идет не столько о вульгарном подкупе, сколько о прямом выдвижении на руководящие государственные посты людей, тесно связанных с Ротшильдами своими экономическими и политическими интересами.

Одним из первых деятелей такой формации яв-

лялся в конце XIX века Леон Сэй, выходец из семьи крупнейших сахарозаводчиков и потомок видного буржуазного политэконома. Начав свою деятельность в качестве администратора «Компани дю шмен де фер дю Нор», а затем других ротшильдовских компаний с благословения барона Альфонса де Ротшильда, Леон Сэй стал впоследствии видной политической фигурой Третьей республики, не раз получая портфель министра финансов. Следует ли удивляться, что финансовые операции и предприятия Ротшильдов встречали на редкость теплый прием на улице Риволи, где находится французское министерство финансов?

В эпоху Четвертой республики место Леона Сэя заняли такие люди, как, например, Рене Мейер, Рауль Дотри или Морис Петш. Все они не раз являлись министрами финансов, а первый — даже председателем совета министров и главой верховного органа Европейского объединения угля и стали. Между тем карьера Рене Мейера началась там же, где и Сэй, — в кресле администратора «Компани дю шмен де фер дю Нор».

Стоит ли удивляться, что Пятая республика, созданная генералом де Голлем, охотно шла навстречу интересам Ротшильдов? Главой личной канцелярии генерала де Голля в бытность его председателем совета министров в 1944—1945 годы, а затем в 1958 году являлся Жорж Помпиду — генеральный директор банка «Ротшильд фрер». В мае 1962 года Помпиду стал премьер-министром Франции. А через государственные каналы во Франции проходит от четверти до трети всех капиталовложений. Вряд ли можно опасаться, что резиденция премьера «Отель Матиньон» останется в таких условиях равнодушной

к нуждам атомных заводов или нефтяных компаний!

Если абсолютные размеры активов ротшильдовской империи (около 6 миллиардов долларов) немногим превышают активы провинциальной группы американских монополий города Сент-Луис, значительно уступая империям Морганов или Рокфеллеров, то по своему политическому влиянию семейство Ротшильдов уступает им не слишком многим.

Таковы некоторые секреты могущества одной из самых старых, богатых и влиятельных банкирских династий Европы и всего капиталистического мира.

* *
*

Отпрысков Мейера-Амшеля, далеких и близких, насчитывается сейчас более 75. Среди них есть кто угодно: артисты, художники, спортсмены, путешественники, просто прожигатели жизни. Но не они делают погоду в ротшильдовской империи. Самым богатым из французских Ротшильдов считается 37-летний Эдмон: его личное состояние измеряется в 500 миллионов долларов. Эдмон не вмешивается в дела семейного банка — он «работает» сепаратно. Подлинным главой парижской ветви является 55-летний барон Ги, председатель банка «Ротшильд фрер». Возьмем его в качестве живого примера образа жизни сегодняшнего миллиардера.

Барон Ги не только финансист. Он заядлый спортсмен, любитель гольфа и лыж. Он живет близ Парижа со своей второй супругой — Мари-Элен во дворце XVIII века (где обитала некогда племянница

Наполеона). Вокруг дворца — богатейшее поместье «Ферьер» площадью 9 тысяч акров, с парками, лесами для охоты на фазанов, водоемами, спортивными площадками, ипподромами. Ротшильды — владельцы одного из лучших в Европе конных заводов, где выращиваются призовые рысаки. Любимый рысак барона Ги — Эксбери выиграл как-то «При де л'арк» — высший приз в 197 тысяч долларов. Это равняется средней заработной плате французского рабочего... примерно за 100 лет. Виллы Ротшильдов есть, разумеется, и во всех известных курортах Европы.

Во время званых обедов или приемов на стол ставятся бутылки с этикеткой «Мутон Ротшильд» — банкиры могут позволить себе небольшую прихоть иметь собственные виноградники, причем рисунки на этикетках исполнены такими известными художниками, как Брак и Сальвадор Дали. Кстати, стены дворца «Ферьер» украшают подлинные полотна Гойи, Рубенса, Ватто, Фрагонара. Ведь Ротшильды так гордятся своей славой меценатов! Еще более тщательно они заботятся о своей репутации «благотворителей», жертвуя то на дома для инвалидов, то на научные экспедиции.

Однако все это — реклама, маскировка. Стены дворца «Ферьер» покоятся не на акциях и дивидендах, не на цветных металлах или нефти. Его подлинный фундамент — кровь, пот и слезы сотен тысяч людей, всю свою жизнь трудившихся и умиравших от ядовитых испарений в ртутных карьерах Испании, в никелевых рудниках Новой Каледонии, куда ссылали приговоренных к пожизненной каторге парижских коммунаров, сотни тысяч закованных в кандалы черных рабов алмазных приисков Южной Африки. От проданных на убой рекрутов Вильгельма IX

до отравленных испытательными атомными взрывами оазисов Сахары или обитателей островов Тихого океана — таковы вехи пути, пройденного Ротшильдами за полтора столетия. Таков главный баланс дома Ротшильдов.

СОДЕРЖАНИЕ

Под сенью красного щита	4
В бурях наполеоновских войн	9
Банкиры «Священного союза»	16
Подземные толчки и их последствия	24
От железнодорожных концессий к промышленной империи	28
Дом Ротшильдов сегодня	42

Юрьев Юрий Ильич.

СОВРЕМЕННЫЙ КРЕЗ (Дом Ротшильдов
и его обитатели). М., Политиздат, 1965.
63 с. (Владыки капиталист. мира).

ЗЗИ

Редактор

М. Рабинович

Художник

А. Житомирский

Художественный редактор

Н. Симагин

Технический редактор

А. Данилина

Сдано в набор 25 января 1965 г. Подписано
в печать 18 марта 1965 г. Формат 70 × 108^{1/32}.
Физ. печ. л. 2. Условн. печ. л. 2,74. Учетно-
изд. л. 2,42. Тираж 45 тыс. экз. А 02850.
Заказ № 2840. Цена 6 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 212.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»

Политиздата.

Москва,

Краснопролетарская, 16.

6 коп.

